

Bo Co

КАК УБЕДИТЬ ТЕХ, КОГО ХОЧЕТСЯ ПРИБИТЬ

Правила продуктивного спора
без агрессии
и перехода на личности

МИФ Бизнес

Бо Со

**Как убедить тех, кого
хочется прибить. Правила
продуктивного спора без
агрессии и перехода на личности**

«Манн, Иванов и Фербер»

2022

УДК 808.53
ББК 80.7:60.524.224.67

Со Б.

Как убедить тех, кого хочется прибить. Правила продуктивного спора без агрессии и перехода на личности / Б. Со — «Манн, Иванов и Фербер», 2022 — (МИФ Бизнес)

ISBN 978-5-00214-266-8

Бо Со, двукратный чемпион мира и бывший тренер гарвардской команды по дебатам, представляет вдохновляющую книгу, которая раскрывает секреты эффективного общения и мастерства убеждения. Когда Бо Со было 8 лет, он и его семья эмигрировали из Кореи в Австралию. В то время он не говорил по-английски, из-за чего испытывал трудности в школе. В пятом классе он открыл для себя дебатный клуб. Это стало для Бо Со способом не только обрести свой голос, но и преуспеть в социальном и академическом плане. Автор приглашает читателей в захватывающее интеллектуальное путешествие по миру дебатов и споров – от радикальных политиков прошлого до искусственного интеллекта. Проследив свой путь от ребенка-иммигранта до чемпиона мира, Бо Со показывает, как умение вести споры становится ключом к успешной карьере и счастливой жизни. Эта книга для тех, кто хочет:

- прокачать коммуникативные навыки и стать увереннее в себе;
- понять поведение других людей и научиться отстаивать свою точку зрения;
- вести любые споры правильно, без агрессии и манипуляций.

Секреты эффективного общения и убеждения от Бо Со помогут вам улучшить отношения с близкими, коллегами и окружающими. Для кого книга Для всех, кто хочет улучшить навыки коммуникации, достичь уверенности в спорах и преуспеть в повседневной жизни. На русском языке публикуется впервые.

УДК 808.53
ББК 80.7:60.524.224.67

ISBN 978-5-00214-266-8

© Со Б., 2022

© Манн, Иванов и Фербер, 2022

Содержание

Введение	7
Глава 1. Тема: как найти свои дебаты	14
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Бо Со

Как убедить тех, кого хочется прибить. Правила продуктивного спора без агрессии и перехода на личности

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Copyright © 2022 by Bo Seo

Published by permission of the author and his literary agents Ross Yoon Agency (USA) via Alexander Korzhenevski Agency (Russia)

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2024

* * *

Посвящается Джин Кен Пак и Вонг Ке Со

Введение

Я окончательно утратил способность спорить к своему девятому дню рождения. Надо сказать, ощущал я при этом нечто вроде эрозии. Это случилось не в какой-то конкретный момент, скорее было медленное, постепенное, но вполне устойчивое угасание желания спорить. Поначалу я еще трепыхался. Хоть возражения и протесты и застревали у меня в горле, я еще находил способ их высказать. Но потом я устал от усилий, риска и самораскрытия, которые неизбежно влек за собой любой спор. И начал чаще задерживаться в перерывах между фразами, а оказавшись там, говорил себе, что при желании можно навсегда остаться в этом безопасном местечке.

Дело было в июле 2003 года; мы с родителями только переехали из Южной Кореи в Австралию. Решение родителей эмигрировать – в погоне за новыми возможностями в жизни, работе и образовании – поначалу сильно будоражило мое воображение. Однако, оказавшись в Варунге, тихом, богатом северном пригороде Сиднея, я быстро понял, что решение это было чистым безумием. Мы оставили на родине хороших друзей, нормальную еду, приготовленную с настоящими специями, и сорок восемь миллионов людей, говоривших с нами на одном языке. И ради чего? Отчуждение, которое я печенкой чувствовал в превосходно охлажденных залах супермаркета Woolworths или на замечательной детской площадке в местном парке, постоянно вызывало у меня раздражение и мысли о необдуманности нашего поступка.

Мама и папа, слушая мои жалобы и стенания, сочувствовали, но не более того. А еще они часто повторяли словосочетание *переходный период*, и у меня сложилось впечатление, будто дискомфорт и смятение изначально заложены в нашу формулу неким великим арифметиком.

Вообще-то изначально мои родители были довольно разными людьми. Папа рос в большой консервативной семье в провинциальном городке на самой восточной точке Корейского полуострова, а маму воспитывали продвинутые изысканные сеульские прогрессисты. Папе было плевать на материальный комфорт, мама инстинктивно тянулась к гламуру. Папа любил людей, мама ценила идеи. Однако разные стадии нашей эмиграции постепенно вытащили на первый план общие для них обоих качества: стремление к полной независимости и решимость реализовать свои мечты.

Итак, первые недели в Сиднее я провел на заднем сиденье арендованной машины, пока мои родители носились по городу, пытаясь выполнить длиннющий список первоочередных дел. Покупка мебели, регистрация в местных налоговых органах, аренда квартиры – каждый из этих этапов все теснее связывал нас с новым местом жительства, но ни один не вызвал у меня чувства привязанности к этому месту. А когда я спрашивал родителей, могу ли чем-нибудь им помочь, они отвечали, что у меня на первое время только одна задача: «Ты, главное, впишись в школе».

Жители Варунги называли местную начальную школу «кустарниковой» (Bush School; bush в переводе с английского – «кустарник»). Школьный кампус, окруженный настоящим заповедником дикой природы, был будто на грани полного ею поглощения. Заросли кустов цеплялись за окна классов, а на сиденьях заброшенного амфитеатра росли грибы размером с ухо. Летом там все буквально утопало в пышной зелени. Но холодным утром августовского понедельника, в мой первый день в новом для меня третьем классе, листья мерцали бледным серебром, а в углах кампуса залегли темные тени.

У доски стояла мисс Холл – молодая женщина, одетая во что-то светло-голубое; выражение ее лица было таким мягким, что казалось, будто в нем растворяются более-менее его острые углы. Она жестом пригласила меня войти, а пока я шел, идеальным курсивом написала на доске: «Бо Со, Южная Корея». И я оказался перед почти тремя десятками пар глаз, расширившимися от удивления при виде столь причудливой комбинации слов.

Всю оставшуюся неделю я оставался в центре внимания. На игровой площадке я быстро понял, что большинство забавляют шутейные споры с новичком из далекой, совсем другой страны. Например, кто-то из одноклассников хвалил то или иное достижение западной цивилизации – «А уж какой у нас вкусный белый хлеб!» – а я, используя свой довольно скудный на тот момент английский вокабуляр, отвечал: «Нет, рис лучше!» Остальные дети трясли в знак протеста головами, не скрывая при этом возбуждения от намека на назревающий конфликт.

Однако уже через месяц новизна моего присутствия в классе стерлась, и тон наших споров с одноклассниками изменился. Теперь, если в спортзале или при совместной работе над проектом у меня с кем-нибудь возникал конфликт, мои всё менее решительные попытки отстоять свое мнение вызывали у ребят раздражение, а то и гнев. Именно в этих проигрышных со всех сторон ситуациях я понял, что дистанция между тем, что тебя считают странным, и тем, что тебя не принимают в свой круг, очень мала, а неверно истолкованные один жест или несколько слов могут привести к тому, что ты переступишь эту черту.

Худшее в пересечении таких языковых черт в том, что тебе необходимо приспособиться к разговору вживую – стремительной смене его многослойных ритмов и множеству неожиданных поворотов. В споре эти трудности усугубляются во сто крат. Ты менее точно выражаешь свои мысли; из-за напряженности ситуации немного тупеешь. И я, из-за слабого знания английского, вечно спотыкаясь о бессвязные слова и об обрывки предложений, никогда не добивался в спорах особого успеха.

Некоторые мои оппоненты, вдохновляемые, конечно, не злобой, а инстинктивным стремлением к власти, охотно пользовались своим преимуществом. Одни, презрительно сморщившись, спрашивали окружающих, понимает ли кто-нибудь, что я «квкаю». Другие и правда изо всех сил старались меня понять, но в итоге, исчерпав запасы терпения и доброты, ретировались, смущенно пробормотав что-то вроде: «Да ладно-ладно, не заморачивайся». Я пытался бороться несколько месяцев. Мое боевое, умеющее отстаивать свои интересы, способное убеждать «я» отчаянно старалось выполнить свою работу.

А потом, ближе к концу учебного года, я понял, что больше не хочу ни с кем спорить. Ни одна проблема, ни один принцип на свете не оправдывают издержек, которыми неизбежно чреваты споры и разногласия. Стоило мне попытаться опровергнуть эту мысль, как тут же меня накрывали слабость и странные ощущения в желудке и горле.

Итак, я научился постоянно носить на лице сдержанную улыбку. На уроках я охотно мирился с глупостью и невежеством, а на игровой площадке, не колеблясь, признавал свою вину. Хотя мои языковые навыки к тому времени существенно улучшились, мой диапазон слов сузился в основном до односложных *да* и *ладно*. В первые дни этого компромисса я еще старался запомнить, с чем не согласен, но не решаюсь это высказать, рассчитывая когда-нибудь вернуться к этому вопросу. Потом и эта привычка улетучилась без следа.

К январю 2005 года, перейдя в пятый класс, я уже использовал свою бесконфликтность и уступчивость по полной. Учителя в отчетах наперебой нахваливали мой покладистый характер и склонность всегда следовать указаниям. В компании друзей я славился умением разрешать конфликтные ситуации и направлять острые разговоры к консенсусу. Родители гордо писали нашим родным в Южную Корею, что их сын великолепно вписывается в новую среду.

Так оно, собственно, и было. Если прежде мне казалась проблемой моя неспособность отстоять свои взгляды, то теперь я понял, что истинные проблемы начинаются, когда я решаюсь с кем-то спорить. Они проявляются в багровых от раздражения лицах собеседников, в летящей в тебя слюне и, наконец, в абсолютной бесполезности подобных усилий с моей стороны. Я чувствовал, что нашел надежное убежище, в котором смогу безопасно прожить детские годы.

Но одним весенним днем в марте 2005 года кое-что в моей жизни изменилось, и привычка, вырабатывавшаяся почти два года, улетела в тартарары.

* * *

Входя в тот день после обеда в школьный актовый зал, я проклинал себя за то, что предал собственные убеждения. Дело в том, что за три дня до этого мисс Райт, учительница моего пятого класса, бросила клич, предложив желающим присоединиться к новому школьному проекту. Она сказала нам: «Дебаты – это структурированный спор, в котором две команды соревнуются за сердца и умы зрителей; это битва мозгов!» Почти никто из ребят не захотел участвовать, но, когда учительница остановила меня в дверях уже на выходе из класса, я вдруг поймал себя на том, что киваю. Короче, чтобы избежать споров, я решил участвовать в дебатах.

Правила оказались проще некуда. Нейтральная третья сторона выбирает тему обсуждения (например, «Нам нужно запретить зоопарки»), и одна команда из трех человек должна высказать свои аргументы в поддержку этой идеи, а вторая – выступить против; реальные убеждения спикеров никакого значения не имеют. Первый участник из поддерживающей команды открывает дебаты, а далее стороны высказываются по очереди, пока все шестеро членов обеих команд не выступят в отведенное им время (в нашем случае каждому давали четыре минуты).

В конце раунда судейская коллегия – еще одна нейтральная сторона, обычно люди, поднаревшие в дебатах, – определяла победителя. Каждого участника оценивали по трем параметрам: *манера речи*, *состоятельность* аргументации и *метод*, или стратегия, выступления. Впрочем, для вынесения окончательного вердикта судьи должны были посоветоваться только с собственной совестью и ответить на один-единственный вопрос: какая команда сумела их убедить?

Ночью накануне своих первых в жизни дебатов я почти не спал. Обычно командам дается для подготовки доводов и аргументов ограниченное время (от пятнадцати минут до часа), но нам выделили аж несколько дней. Я счел это великим благом. Главная трудность бытовых споров и разногласий заключалась для меня в их неожиданности, в том, что к ним нельзя подготовиться. Как же часто мне хотелось, чтобы можно было во время ссоры или спора остановить время хотя бы на мгновение, собраться с мыслями и подобрать нужные слова! И вот теперь я – кстати, я открывал дебаты – имел возможность почти все спланировать заранее, чем я и занялся, проводя накануне разные исследования и делая бесчисленные заметки по теме вплоть до рассвета.

В актовом зале тоже все было устроено просто. На сцене поставили два стола, каждый на три места; они возвышались над аудиторией из шести десятков школьников, рассаженных неровными рядами. Стараясь не встречаться ни с кем взглядом, я вошел в зал последним, за двумя другими членами команды: Изабеллой, нашей спортсменкой с решительной походкой, и Тимом, довольно нервным пареньком, ковылявшим к месту назначения нетвердым шагом. Сверху доносились звуки дождя; он что есть силы барабанил по металлической крыше, выбивая довольно зловещую дробь.

Наши оппоненты, ребята из параллельного пятого класса, уже сидели на своих местах и, пока мы поднимались по лестнице на сцену, до их уровня, бросали на нас насмешливые взгляды. Две девчонки из их команды вообще тут же принялись оживленно болтать друг с другом и махать друзьям в зале. Зато третий наш соперник, мальчик по имени Артур, образцовый ученик в строгих очках в металлической оправе, смотрел в нашу сторону неотрывно. У меня с этим Артуром случались стычки на игровой площадке; парень обожал использовать свой ум, чтобы продемонстрировать превосходное знание разных предметов, начиная с ботаники и заканчивая Второй мировой войной. Он любил лишать оппонентов дара речи аргументами, которые выдавал со скоростью пулеметной очереди, и постоянно перебивал собеседника.

Тут, на этой сцене, где нам как спорщикам были обещаны равное время и внимание, Артур почему-то не казался мне таким уж непобедимым. Если раньше я видел только его

скептически изогнутую бровь да идеально начищенные ботинки, то теперь вдруг заметил пятнышко на рубашке и нелепую родинку на правой щеке.

Вышедшая в центр сцены мисс Райт резким жестом откинула назад гриву волос и громко открыла прения: «Добрый день всем и добро пожаловать! Ребята, сейчас вы будете слушать дебаты. Дебаты – это когда какой-то человек – любой – высказывает свои мысли, а остальные внимательно и молча его слушают». Произнеся последние слова, она для вящей убедительности приложила палец к губам и в течение секунд двадцати громко шипела: «Ш-ш-ш-ш».

Затем мисс Райт взяла блокнот и скомандовала: «Теперь поверните свои тетрадки боком и поделите страницу на шесть колонок, по одной для каждого выступающего. В них вы будете выставлять им баллы. В дебатах действует правило: каждый аргумент требует реакции другой стороны – просто потому, что он был высказан». Ребята в зале принялись выполнять ее указания. Некоторые использовали линейку, чтобы линии вышли идеальные, а колонки ровные; другие расчертили лист на глазок. «Именно так мы по окончании раунда будем решать, кто победил в дебатах: не на основании позиции, которую мы сами занимаем, и не исходя из того, нравится ли нам спикер как человек, а исключительно в зависимости от качества аргументов. Вопросы есть?»

Следующим, что я услышал, была тема дебатов: «Мы должны запретить зоопарки». А затем прозвучало мое имя. И я прямо физически ощутил, как оказался в центре внимания всего зала. Под шквал аплодисментов я собрал свои каталожные карточки и вышел в центр сцены.

Увиденное оттуда, с возвышения, не было похоже ни на что из того, что мне приходилось видеть раньше. Все, абсолютно все глаза внизу, моргая, смотрели на меня. У некоторых ребят были открыты рты, но в зале стояла мертвая тишина. Судья, учитель шестого класса, нацелился ручкой на лист блокнота, готовый записывать мои мысли и идеи. Впервые после переезда в Австралию я почувствовал, что меня, похоже, будут слушать и услышат.

Я несколько лет всеми силами избегал любых споров. Не было ли это ошибкой; может, мне стоило к ним стремиться?

* * *

Сегодня, через семнадцать лет после того судьбоносного дня в 2005 году, я ни за что не откажусь от участия в хорошем споре (хорошим я называю конструктивный спор, направленный на решение той или иной проблемы; а плохим, соответственно, нечто противоположное этому). На этом пути я достиг нескольких важных вех, но не финишировал. Я дважды выигрывал чемпионаты мира по состязательным дебатам; я тренировал две самые успешные команды по дебатам в мире: команду австралийских средних школ и Дебатного союза Гарвардского колледжа. Я мотался по миру – из Южной Кореи в Австралию, затем в США, далее в Китай – в поисках лучшего места для выражения несогласия.

В этой книге, плоде раздумий всей моей пока недолгой жизни, речь пойдет о двух формах дебатов.

Первый – состязательные дебаты; формальная, четко структурированная игра, в которой соперники аргументируют свою позицию по заданной теме перед беспристрастной судейской коллегией. Они уходят корнями в глубокую древность – к древнегреческому риторическому образованию и ранней буддийской религиозной практике, – а их развитие неразрывно переплетено с эволюцией парламентской демократии. Сегодня состязательные дебаты процветают в средних школах и университетах по всему миру, из них вышло непропорционально огромное количество экс-президентов и премьер-министров, судей Верховного суда, богатейших предпринимателей, знаменитых журналистов, выдающихся художников и лидеров общественного мнения. Это вид деятельности, которому нетрудно научиться, но совершенства в нем никому

не достичь. Вот почему оно отлично подходит и для детей, и для кандидатов в президенты. (Как думаете, что данный факт говорит о каждой из этих групп?)

Вторая форма дебатов – повседневные споры, с которыми время от времени сталкиваемся все мы. В дискуссионные клубы вступают немногие, а вот спорят друг с другом в той или иной форме абсолютно все люди практически каждый день. Поскольку мы нередко расходимся не только в том, как должны обстоять дела, но и в том, как они действительно идут, конфликт может породить сам акт восприятия. А далее в ход пускаются аргументы, с помощью которых мы стараемся убедить других в своей точке зрения, находим решения, тестируем правоту собственных убеждений и отстаиваем свое достоинство. Мы отнюдь не безосновательно исходим из того, что наши личные, профессиональные и политические интересы зависят от нашей способности не только победить в таких спорах, но и сделать это правильно.

Так вот, я утверждаю, что состязательные дебаты учат нас правильнее выражать свое несогласие в повседневной жизни. Это предполагает умение выполнять целый ряд задач: добиваться своего, предотвращать конфликты, сохранять нормальные отношения с оппонентом – и мы далее об этом поговорим. Но цель этой книги я определяю куда скромнее: нам надо научиться не соглашаться и спорить так, чтобы вступление в спор было более оправданным, чем его избегание.

В этой книге вам предложены необходимый для этого инструментарий и рекомендации.

В первой части описываются пять основных элементов состязательных дебатов – тема, аргументация, опровержение, риторика, тишина, – а также навыки и стратегии, необходимые для их правильного использования. Так вот, я убежден, что эти же элементы отображают и физику, лежащую в основе наших повседневных споров, и в совокупности образуют базу знаний, более доступную, чем формальная логика, и имеющую большую сферу применения, чем формальное согласование точек зрения.

Во второй части полезные уроки состязательных дебатов рассматриваются в применении к четырем сферам человеческой жизни – ссоры, образование, взаимоотношения и технологии – в качестве доказательства того, что умение правильно спорить действительно улучшает нашу жизнь, как личную, так и социальную. По сути, я предполагаю, что тысячелетняя традиция состязательных дебатов сама по себе дает нам рекомендации, демонстрируя, как может работать сообщество, построенное *вокруг* споров, а не *вопреки* им. Конечно, как обычно и бывает, выводы тут не всегда однозначны. История дебатов кишит примерами доминирования, манипуляций, красноречия и исключения неизвестного. Но я утверждаю, что дебаты *при этом* создают возможность для чего-то замечательного: для жизни и общества, в которых есть место захватывающим, наполненным любовью и расширяющим кругозор спорам.

Я признаю, что выбрал для написания книги о хороших спорах довольно странное время. Да, схлестываться с политическими противниками в наши дни доводится немногим, но подозрения, презрение и ненависть, порождаемые ссорами и разногласиями, сегодня, кажется, достигли точки кипения. Они ведут к спорам, в которых мы изначально предполагаем дурные намерения и общаемся, не слыша друг друга. Именно во времена, когда наше желание вести дебаты, судя по всему, крепнет и ширится, ценности и навыки, необходимые для подобных бесед, находятся в низшей точке. По сути, это явление, которое описывают термином *поляризация* – это не когда мы с чем-либо не согласны и даже не когда мы не соглашаемся слишком во многом или слишком часто, а когда мы высказываем свое несогласие плохо, неправильно, из-за чего наши споры становятся болезненными и бесполезными.

Среди этого крика некоторые люди окончательно утратили надежду на конструктивность споров. В 2012 году кандидат в президенты США от республиканцев Митт Ромни заявил на закрытом собрании, что около 47 процентов избирателей всегда, как их ни убеждай, будут

на стороне демократов, и это хронические иждивенцы, которые не платят налогов¹. А спустя четыре года кандидат от Демократической партии Хиллари Клинтон назвала добрую половину сторонников своего оппонента, Дональда Трампа, «убогими»². Оба впоследствии принесли извинения за подобные высказывания, но, увы, мнение о том, что некоторые люди не поддаются убеждению и рациональной аргументации, хоть и считается табу, но накрепко встроено в доминирующую логику электоральной политики.

Однако худшие последствия утраты людьми веры в конструктивный спор часто носят куда более личностный характер, проявляясь в молчании и недомолвках между романтическими партнерами, друзьями и родственниками. Так, исследователи из Калифорнийского университета обнаружили, что через несколько недель после президентских выборов в США в 2016 году семейные обеды в честь Дня благодарения с участием людей из округов, голосовавших за разных политиков, продолжались на полчаса, а то и на пятьдесят минут меньше, чем прежде. «В масштабах всей страны мы потеряли 34 миллиона часов межпартийного дискурса, который обычно ведется на семейных обедах в День благодарения»³.

Трагедия в том, что более подходящего времени для споров и дебатов ждать не стоит. Мы живем в период беспрецедентных свободы личности, избирательного права и глобальных связей. Публичная площадка сегодня разнообразна, как никогда прежде, а публичная дискуссия более остра и неоднозначна. И, честно признавая проблемы и недостатки современных дебатов, мы не должны умалять важных этих достижений. Да и романтизировать прошлое тоже не стоит. Раньше люди могли только мечтать о таком плюрализме; мы никогда не справлялись со своими разногласиями лучше, чем сегодня. Но, конечно, останавливаться на достигнутом недопустимо.

Безусловно, в такие беспокойные времена, как сейчас, у людей часто возникает соблазн стремиться к консенсусу, сосредоточившись на том, что нас объединяет, а не разъединяет. Я, например, будучи человеком от природы застенчивым, под влиянием этого инстинкта практически постоянно. Но мне не понаслышке известны и его горькие плоды.

Как я уже говорил, на протяжении нескольких лет своего сиднейского детства я изо всех сил старался избегать споров и ссор и четко структурировал свое бытие вокруг поиска консенсуса. В результате я остался с твердым убеждением, что в такой приятной, бесконфликтной жизни есть что-то ущербное. Ее поддержание требует от человека слишком уж много компромиссов и предательства себя. Такой подход к жизни лишает наши взаимоотношения с окружающими самого ценного: искренности, вызова, уязвимости и многого другого.

Путешествия по миру убедили меня в том, что без споров скучна и политическая жизнь. Нации в своем лучшем проявлении – не что иное, как эволюционирующие разногласия. Никакой другой взгляд на местное сообщество не предполагает такого уважения к человеческому многообразию и такой смелости в плане будущих перспектив. А вот противоположность данного подхода, упорное стремление к единообразию, тяготели в истории человечества к деспотизму и грубому мажоритаризму. В условиях либеральной демократии хорошие споры – это не просто то, что общество должно *реализовать*; это то, каким оно должно *быть*.

---

¹ Corn D. Secret Video: Romney Tells Millionaire Donors What He REALLY Thinks of Obama Voters // Mother Jones, September 17, 2012 // motherjones.com/politics/2012/09/secret-video-romney-private-fundraiser/.

² Chozick A. Hillary Clinton Calls Many Trump Backers 'Deplorables,' and G.O.P. Pounces // New York Times, September. 10, 2016 // nytimes.com/2016/09/11/us/politics/hillary-clinton-basket-of-deplorables.html.

³ Chen M. K., Rohla R. The Effect of Partisanship and Political Advertising on Close Family Ties // Science. 2018. Vol. 360. No. 6392. Pp. 1020–1024.

* * *

В те первые и несчастливые годы жизни в Австралии я понимал, откуда растут ноги моих проблем. Мне еще раньше, в воскресной школе, рассказали о том, как из-за многоязычья начались ссоры в великом древнем городе под названием Вавилон. Когда-то все народы мира говорили на одном языке и в гордыне своей решили построить башню, достаточно высокую, чтобы достичь небес. Но когда здание пронзило небо, в дело вмешался разгневанный Господь. Он смешал языки людей так, что они перестали понимать друг друга. А потом рассредоточил разные народы по всему миру.

Мне потребовалось много лет, чтобы увидеть эту историю в другом свете. Тот крах Вавилонской башни выпустил в мир хаос в форме новых культур и диалектов – об этом когда-то весьма красноречиво сказал в своей Нобелевской лекции писатель Тони Моррисон⁴. И мы, люди, изгнанные из башни, принялись обживать новые территории; так началась тяжелая работа по перемещениям по разным землям и переводу с языка на язык.

Из-за разрушения башни мы начали спорить и даже ссориться, но это также сделало нашу жизнь неизмеримо большей.

Меня часто спрашивают, как мне удалось обрести свой голос в спорах – не в компании друзей, а, скорее, в пылу состязательных дебатов. Я не один год ломал голову над ответом на этот вопрос. И до сих пор часто думаю о том, как все было бы, пойдя я другим путем. Отставание своего мнения не всегда лучшая реакция на конфликт, но она, как правило, самая разоблачающая, заставляющая раскрыться. В споре мы обязательно проявляем свою сущность – больше, чем в физической драке, и уж точно больше, чем когда воздерживаемся от него. В конфликте мы максимально четко показываем границы того, кто мы есть и во что верим.

Сегодня мы привыкли рассматривать споры либо как симптом некоего заболевания нашего общества, либо как нечто вызывающее у нас недовольство. Что ж, и то и другое верно. И все же я искренне надеюсь убедить вас в этой книге в том, что споры могут быть и лекарством – инструментом, который позволяет нам сделать мир лучше.

В весенний мартовский день 2005 года, когда я впервые принял участие в дебатах, я бы не смог сказать вам ничего подобного. Но у меня было четкое ощущение, будто мне дали спасательный плот, который не только может меня спасти, но и доставит в светлое будущее; надо только на нем удержаться. Глядя вниз, в зал, с края сцены, я чувствовал, что во мне прорастает что-то новое, на редкость честолобивое, свежее и настойчивое.

Я замедлил дыхание и, произнося первые несколько строк своей речи, почувствовал, как твердеет земля под ногами. И в голове мелькнуло, что, начав говорить, возможно, уже не остановлюсь. Такова магия вырвавшегося на свободу голоса: никогда не знаешь, что он может сказать дальше.

---

⁴ Morrison T. Nobel Lecture, 7 December 1993 // Georgia Review. 1995. Vol. 49. No. 1. Pp. 318–323.

Глава 1. Тема: как найти свои дебаты

Утром в январский понедельник 2007 года, через два-три месяца после окончания начальной школы, зеленые ворота входа в среднюю школу Баркер-колледжа стали для меня порталом в новый мир. Для меня и других двенадцатилетних ребят в тот первый день в средней школе контраст между тем, как было прежде, и тем, что мы увидели теперь, был разительным. Раньше мои одноклассники, бывало, носились по игровой площадке в чем попало, лишь отдаленно напоминавшем школьную форму, а в этом кампусе ученики, одетые в накрахмаленные белые рубашки, выглядели словно с иллюстрации из брошюры приемной комиссии. Территория моей предыдущей школы была очень растянутой, с укромными уголками, а ухоженный кампус средней школы для мальчиков, в которой я теперь оказался, намекал на конкретный порядок вещей – и у меня были веские причины побыстрее его изучить.

Уже к обеду я понял, что задача эта не из простых. В школе, где учились две тысячи мальчишек, не имело смысла говорить о каком-то одном порядке вещей; их было много. Уроки соответствовали одному набору ожиданий – ученики обращались к учителям «сэр» и «мисс» и, прося слово, вежливо поднимали руку, – а снаружи, на игровой площадке, царили правила джунглей. В светлом атриуме музыкального корпуса школьники вели себя по-одному, а в пропахших плесенью раздевалках спортзала совершенно по-другому. Словом, место это было настоящим калейдоскопом разных ожиданий.

Надо сказать, за три с половиной года жизни в Австралии я превратился в отличный переключатель кода. Я научился ловко переходить с душевного языка, принятого у нас дома, на веселый и поверхностный разговорный, который приветствовался в начальной школе. Однако в средней школе Баркер-колледжа я столкнулся с проблемой, потому что никак не мог разобраться в здешних правилах и кодах. Какие шутки тут уместны и в каких ситуациях? Насколько стоит раскрываться и кому именно? Я пытался ответить на эти вопросы, но только спотыкался об очередные проблемы.

В те первые недели в новой школе я не замкнулся в молчаливом одиночестве, а искал и находил утешение везде, где мог. В классе я оказался в компании немногословных и приятных в общении юных австралийцев, которых звали – оцените изящество аллитерации – Джим, Джон и Джейк. Самые амбициозные одноклассники перли напролом, используя любое общение для того, чтобы самоутвердиться и убедить других в своей точке зрения, а наша группа, казалось, полностью мирилась с создавшимся статус-кво. На большой перемене мы скидывались на коробку горячих чипсов из кебабной – это главная австралийская еда навынос – и съедали их, обмениваясь буквально несколькими словами.

И чего я уж точно никогда не говорил новым друзьям, так это того, что пришел в эту школу с максимально конкретной целью – вступить в местную команду по дебатам. После первого опыта состязательных дебатов в пятом классе я имел возможность принимать в них участие лишь время от времени. Но я знал, что в средних и старших школах Сиднея культура дебатов весьма развита и в большинстве из них есть команды, которые каждую неделю состязаются друг с другом. Надо сказать, дебаты занимали в жизни школ довольно странное место. Подобно шахматам или викторинам, они предоставляли доступ к соревновательным видам деятельности для не особенно спортивных детей, но, в отличие от других мероприятий в закрытом помещении, пользовались популярностью благодаря отличной репутации знаменитых выпускников, когда-то членов школьных дискуссионных клубов.

В школе Баркер-колледжа на тренировку по дебатам, проходившую по средам во второй половине дня, мог прийти любой желающий, но по вечерам в пятницу представляла школу в каждой группе местной лиги только одна команда из четырех учеников. Чтобы тебя в нее включили, нужно было пройти прослушивание. В первую неделю февраля, в преддверии этого

«экзамена», я попытался было хоть что-нибудь о нем разузнать – «дружище, а что там за прослушивание для дебатов?» – но, кажется, кроме меня, это никого не интересовало. И я решил, что, скорее всего, пройти в команду будет проще простого. Спасибо спорту и другим крутым занятиям.

Как оказалось, я ошибался: на первый этап прослушивания, начало которого было назначено на четыре часа в четверг, пришло более тридцати ребят. Комната с белыми стенами на верхнем этаже корпуса английского языка и литературы напоминала внутренность холодильника, и не только внешним видом; ученики, одетые легко, соответственно уличной жаре, входя в нее по одному или парами, тут же начинали дрожать от холода. Председателем комиссии по прослушиванию была мисс Тиллман, учительница истории, дама весьма stoического характера.

Мисс Тиллман объяснила, что прослушивание не предполагает полноценных дебатов. Вместо этого каждому кандидату будет предложена тема, задана сторона (утверждающая или отрицающая) и дано полчаса на подготовку речи, которая должна содержать два аргумента за или против, сообразно назначенной позиции. В начальной школе мы готовились к дебатам несколько недель, при желании с помощью учителей и интернета, а теперь предстояло действовать в одиночку, да еще и вписаться в установленный, причем весьма жесткий, лимит времени. «Такой формат прослушивания, конечно, не скажет судьям всего о кандидатах, – сообщила мисс Тиллман, – но позволит оценить вашу... реакцию».

В ожидании начала прослушивания я сделал еще одно важное открытие: некоторые соискатели на место в команде выглядели на редкость уверенными в своих шансах на победу. Ребята, которые учились в школе Баркер-колледжа с третьего класса, с присущей двенадцатилетним «деликатностью» всем видом показывали, что они были успешными участниками дебатов на предыдущем возрастном уровне и намерены продолжить свой славный путь. «Мы добились успеха на юниорской трассе и рассчитываем на продолжение забега», – так и заявил один из них, прежде чем окинуть комнату уверенным взглядом в поисках понимания на лицах окружающих.

И тут я услышал, как мисс Тиллман называет мое имя. Уж не хочет ли она дать мне какие-то дополнительные инструкции или, может, лишний раз подбодрить? Но учительница вручила мне белый конверт, в котором лежал листок бумаги с несколькими написанными от руки словами: «Призыв на военную службу должен быть обязательным. Утверждающая сторона».

Стоило мне прочесть последнее слово – и пошло-поехало. Я и до получения конверта был словно заряжен какой-то потенциальной энергией – разум кипел в ожидании темы; дикое напряжение, требующее выхода, – а теперь комнатка без окон, в которую меня отправили готовиться, казалось, потрескивала от заряда грядущих событий. Я нашел опыт подготовки к дебатам на удивление раскрепощающим. Назначенная тема словно перенесла меня в новую среду и присвоила мне новую личность. Из двенадцатилетнего подростка, неуверенного в себе и в том, чего от него ожидают окружающие, я превратился в кого-то вроде адвоката в совещательной комнате.

Тот факт, что у меня не было четкого мнения по теме, за которую предстояло ратовать, парадоксальным образом только усиливал это ощущение свободы. Было легко играть с идеями, не будучи обремененным ожиданиями относительно последовательности доводов или глубокой убежденности в их правоте (я ведь сторону не выбирал), и исследовать каждый темный уголок спорных аспектов (тему тоже не выбирал). Обдумывание *темы* – всегда *движение*, и именно это я остро чувствовал в те полчаса подготовки.

Потом мисс Тиллман постучала в дверь моей комнатки и вернула меня с небес на землю. В комнате для прослушивания за длинным столом сидела комиссия из трех преподавателей. Один из них, пухленький учитель биологии, с которым я познакомился на этапе ори-

ентации, еще как-то старался выглядеть приветливым и сочувствующим, но остальные сидели с серыми от усталости лицами; мы их уже порядком достали.

Я остановился в центре комнаты и сфокусировал взгляд между лицами двух членов комиссии – этакая суррогатная форма зрительного контакта, которая, как я надеялся, сойдет за этот самый контакт. И начал свою речь: «Каждый гражданин обязан обеспечивать безопасность своей страны. Это наш долг. Если граждане выполняют этот долг, идя на военную службу, мы получаем более сплоченное общество и более боеспособную армию, жизнь наша становится более счастливой». Из-за нервозности и желания быть замеченным я с каждым словом повышал тон и громкость. Скоро я уже чуть ли не орал во всю глотку – и, поняв это, в следующую минуту пытался сбавить тон.

В подготовленной мной речи было два главных пункта: что служба в армии – долг каждого гражданина и что это способствует повышению уровня безопасности нации. По правде говоря, это больше напоминало бессвязную и страстную мольбу, чем речь на дебатах (что бы это ни значило). В один из самых душераздирающих моментов я буквально взмолился: «Загляните же в свои сердца и спросите, каков ваш долг перед согражданами!» И все же я чувствовал, что некоторые из моих тезисов о важности обязательной военной службы для национальной безопасности произвели на судей нужное впечатление. Когда я говорил о том, что политические лидеры должны нести большую ответственность за успех военных операций, одна из судей, измученных предыдущими спикерами, кажется, даже ненадолго вышла из ступора. Если другие выступающие в моем временном слоте и были хороши, то явно не настолько. Я чувствовал, что у меня появился шанс на победу.

На следующий день вскоре после начала большой перемены на школьной доске объявлений возле столовой появилось объявление: **«Команда по дебатам – год седьмой»**. Последним в списке стояло мое имя; группе предлагалось в среду в четыре часа явиться на первую тренировку с инструктором. Это объявление показалось мне билетом туда, где я никогда прежде не бывал.

* * *

То, что наш тренер, долговязый студент по имени Саймон, был одним из самых успешных участников дебатов Баркер-колледжа в группе своего года, казалось невероятным. Он стоял перед нами с лицом цвета гранатовых зерен – таким же пунцовым и пятнистым. И голос его потрескивал от неуверенности в себе.

Ровно в четыре в среду, почти через неделю после прослушивания, с десятков ребят собрались в той же комнате-«холодильнике». Четверо новичков, только отобранных в команду, – Стюарт, Макс, Натан и я – сидели группкой, но почти не общались друг с другом, разве что обменялись приветствиями. Из этих ребят я больше всех симпатизировал Натану, чувствительному пареньку, на мой взгляд похожему на ученого-натуралиста. Никто из нас не осознавал того пугающего факта, что до старта чемпионата лиги осталось лишь две недели.

Затем началась тренировка, и я стал свидетелем удивительной трансформации. Все еще стоявший у доски Саймон, рассказывая о дебатах, казалось, превратился в другого человека. Какая-то внутренняя сила теперь наполняла его позу и уверенно завершала его слова. Лицо по-прежнему было красным, но краснота приобрела более живой оттенок. Сняв колпачок с маркера, Саймон повернулся к доске и написал на ней одно-единственное слово – *тема*.

«Вспомните свой последний спор, с кем угодно, – сказал он. – Вспомните его в максимальных подробностях: как все выглядело вокруг в это время суток, какие высказывались доводы, аргументы или, возможно, оскорбления. Теперь запишите вопрос: о чем вы тогда спорили?»

Я тут же подумал о веренице споров со старым другом из начальной школы, который теперь учился в средней школе на другом конце города. Я неплохо помнил, о чем мы с ним говорили, но вдруг обнаружил, что мне трудно ответить на вопрос Саймона. Иногда я вообще не мог вспомнить, из-за чего разгорелся сыр-бор. Это как с ночными кошмарами: суть испарилась, осталось лишь противное послевкусие. Но были и другие раздоры, которые я помнил слишком хорошо. Обычно все начиналось с какого-то банального противоречия, после чего появлялись новые поводы для спора – очередные расхождения в мнениях, подозрения в пренебрежении друг к другу, прошлые обиды, – и любой из них можно было представить как его причину.

«Это большая проблема. Если не знаешь предмета спора, как решить, что говорить или чего не говорить, на чем настаивать, а что пропустить и хочешь ли ты вообще об этом спорить?»

Далее тренер Саймон сослался на исследования социологов и лингвистов, в которых утверждалось, что людям проще «говорить как будто на конкретную тему», на самом деле уходя от нее. Иначе говоря, мы создаем впечатление соответствия своих слов нужной теме – обычно с помощью вербальных сигналов вроде «что касается этого вопроса», – хотя на деле незаметно меняем ее. А поскольку большинство из нас предпочитают живую, свободную беседу, мы редко стараемся целенаправленно и осознанно обдумывать, о чем идет речь. «В итоге мы дрейфуем в разные стороны, охватывая множество разных тем и направлений и все дальше уходя от решения вопроса», – сказал Саймон.

«Но участники дебатов поступают с точностью до наоборот. Каждый раунд начинается с темы. Это первое, что мы, участники дебатов, пишем в своих блокнотах и на доске в комнате для подготовки. Считайте это актом присвоения имени: мы называем свое разногласие, а вместе с тем и цель, ради которой собрались».

Следующие два часа Саймон рассказывал нам о темах и поведал о них больше, чем мне казалось возможным – и нормальным. По его словам, тема – это краткая формулировка основного момента, по которому двое или более людей расходятся во мнении, например:

Джейн – ненадежная подруга.

Правительство не должно спасать крупные банки.

Проверить, подходит ли то или иное утверждение в качестве темы для дебатов, просто: надо записать его в форме отрицания (если исходно это отрицание – в форме утверждения).

Джейн – ненадежная подруга → Джейн не ненадежная подруга

Правительство не должно спасать крупные банки → Правительство должно спасать крупные банки

Надо, чтобы обе стороны дебатов могли сказать, что эти формулировки точно описывают то, во что верят они и их оппоненты.

Но главная, определяющая характеристика темы для дебатов – удовлетворенность ею обеих сторон. Всеобъемлющая предметная область, например «экономика» или «здравоохранение», не может быть такой темой, поскольку она не выражает ничего конкретного, что можно обсудить. Темой дебатов не может быть и чисто субъективное мнение, например «Мне холодно», ведь другой человек не может возразить, заявив: «Нет, тебе не холодно».

В целом люди расходятся во мнениях по моментам трех типов – факты, субъективные суждения и предписания, – и каждый из них порождает споры своего вида.

Разногласия по фактам сфокусированы на заявлениях о фактическом состоянии дел. Они принимают форму «Х – это Y», где и Х, и Y – эмпирически наблюдаемые характеристики мира.

Лагос – это мегаполис.

Уровень преступности в Париже в 2014 году ниже, чем в 2016 году.

Разногласия второго типа касаются наших субъективных суждений о мире – каков он есть или каким должен быть, на наш взгляд. Они имеют форму вроде «А следует считать В» или «У нас есть веские основания полагать, что А есть В».

Ложь аморальна (таковой ее следует считать).

(У нас есть веские основания полагать, что) завтра будет лучше,
чем сегодня.

Третий тип, разногласия на основе предписаний, касается того, что мы должны делать. Они обычно встречаются в форме «С должен D», где С – действующее лицо, а D – некое действие.

Наша семья должна купить абонемент в спортзал.

Государство не должно ограничивать свободу слова.

Я слушал Саймона, и мне было ужасно интересно, но к концу тренировки я испытывал и немалое разочарование. Вместо секретных стратегий и беспроеигрышных приемов нам рассказали о классификации и системе; вместо того чтобы оттачивать полезные навыки, мы просто что-то записывали в блокноты. И у меня зародилось сомнение: уж не тяготеют ли состязательные дебаты, – как и другие требующие развитых навыков игры, например шахматы, – к эзотерике, как минимум когда они уже не могут поддерживать аналогии с реальной жизнью?

Но тем же вечером у меня появился повод вернуться к услышанному.

Первые несколько лет после переезда в Австралию мои родители редко спорили друг с другом или со мной. Мнения наши расходились то и дело, но мама с папой явно считали, что спорить по таким вопросам для нас непозволительно, что сейчас для этого не время, ведь впереди нас ждет много тяжелой работы. Но в последний год или около того мы начали спорить чаще, хоть и по-прежнему старались не акцентировать на спорных точках внимания. В большинстве случаев это работало, но, если один из нас «ломался», это вело к запутанным и бесконечным разборкам.

В то время, весной 2007 года, почти через четыре года после переезда в Сидней, наше семейство рассматривало план натурализации как граждан Австралии. Это во многом было чисто бюрократическое решение, сводившееся к бытовым вопросам вроде, например, уплаты налогов. Однако для моего папы этот выбор имел значение символическое. На семейных советах он последовательно говорил, как нам важно не отрываться от своих культурных корней; слово *гражданство* было для него не пустым звуком.

Так вот, тем вечером после тренировки, в тихие часы после ужина, папа попросил меня спуститься на первый этаж и поговорить по телефону с родственниками, звонившими из Кореи. Но я, занятый в своей комнате компьютерной игрой и мессенджерами, его просьбу проигнорировал. И папа, повесив трубку после разговора с родными, тут же поднялся ко мне. Звук его дыхания, поверхностного и неровного, заставил меня прервать свое занятие.

«Как ты посмел не подойти к телефону? Твои тети не спали, чтобы ответить на мой звонок, а ты не смог уделить им и пяти минут? Ты вообще никогда не общаешься с родственниками!»

Последняя претензия показалась мне безосновательной и, следовательно, несправедливой. В прошлом месяце я переписывался с нашими многочисленными родными по мессенджерам. Да, сегодня я увлекся игрой и не подошел поговорить, но, как мне казалось, один этот факт вряд ли оправдывал упрек подобного рода.

И я принялся защищаться: «Да что ты говоришь? Я постоянно общаюсь с нашими родственниками!» Начал я на корейском, но на полпути переключился на английский. «А ты что, не хочешь, чтобы я зависал с друзьями? Но разве не ты требовал, чтобы я как можно быстрее

ассимилировался?» Я видел, как лицо отца, более квадратная и четко очерченная версия моего собственного, становится краснее, а очертания его начинают дрожать.

И вдруг, вместо того чтобы продолжать в том же духе, я услышал, что задаю папе совсем другой вопрос: «Погоди-ка, а о чем мы вообще сейчас спорим?» Ясно, что наш спор не был связан с предписанием: мы оба, безусловно, сходились в том, что звонить родным и разговаривать с ними надо. У нас были разногласия по поводу того, сколько раз я делал это в прошлом, но это важным не казалось.

За следующие несколько минут мы совместными усилиями определили, что наш спор коренится в субъективном суждении. У папы сформировалось субъективное мнение, будто я пресыщен связями с Кореей и пропущенные звонки родных – один из симптомов моего пренебрежения к родине в целом.

А как только мы присвоили спору имя, наш разговор в одночасье приобрел новый фокус и ясность. И хотя мы прекратили прения только к полуночи, да и то с намерением непременно вернуться к этому разговору позже, каждый из нас ушел спать с четким пониманием, так сказать, рельефа нашего разногласия. «Мне что, действительно нужно это разжевывать?» – спросил в какой-то момент папа. И я понял, что да, нужно.

Благодаря грамотно построенным дебатам этот маленький уголок мира стал для меня более понятным, и, укладываясь в тот вечер спать, я думал о других местах, в которых это также могло сработать.

* * *

Тем временем в школе я открывал для себя способы успешной конкуренции. У нас, конечно, поощрялась внутренняя борьба за статус и положение, но по большей части учителя старались перенаправить соревновательную энергию учеников вовне, на давнее традиционное соперничество с другими школами. В центре внимания, понятно, были команды по регби и крикету, но любая победа своих отмечалась и праздновалась. На общих собраниях героем и образцом для подражания становился каждый победитель – и в викторине ботанов, и на конкурсе гобоистов, да где угодно.

Я увидел в этом самые многообещающие перспективы. Моя главная цель в первые годы в Сиднее заключалась в том, чтобы меня признали и приняли в свой круг, но успех в том или ином конкурентном виде деятельности открывал куда большие горизонты в виде одобрения и даже восхищения окружающих. Этот факт делал предстоящий старт сезона дебатов чрезвычайно важным событием и, соответственно, распалял мои опасения по поводу нашей подготовки к нему.

А вот Саймона это, похоже, ничуть не беспокоило. На нашей второй тренировке он стоял в той же неуклюжей позе у доски и ждал, пока мы рассядемся по местам. Его голос, такой же безмятежный, как и его лицо, не выражал ни малейшей тревоги.

– Итак, на прошлой неделе мы говорили о трех видах тем и о том, к каким типам споров они приводят. Но вы наверняка заметили, что классификация эта слишком уж аккуратная и простая. На самом деле люди расходятся во мнениях по многим вопросам одновременно. Мы, как правило, спорим по поводу фактов, суждений и предписаний, высказывая свое несогласие сразу со всеми тремя аспектами в одном предложении. Так что наша задача отнюдь не сводится только к определению предмета спора. Нет, нам нужно распутать многочисленные нити разногласий и наметить курс на разрешение хотя бы некоторых из них.

Саймон подошел к доске и записал тему.

Родители должны отправлять детей в государственные школы.

– Обведите тут слова, которые могут породить разногласия между двумя сторонами, и аргументируйте свой выбор.

Я переписал предложение в тетрадь и обвел слово *отправлять*.

Ответ казался мне очевидным: это был спор о том, что следует делать; разногласие, связанное с предписанием.

Родители должны отправлять детей в государственные школы.

Остальные ребята обвели то же слово, но Саймона это не впечатлило. «А в чем же еще могут разойтись две стороны? Попробуйте представить, как они смотрят на это предложение. Их мнения могут отличаться и по другим словам. По каким же»

На минуту воцарилось полное молчание. Потом словно что-то щелкнуло, и все принялись выкрикивать варианты ответов. Стороны могут не согласиться со словами «местные государственные школы». У них может быть разная фактическая информация о том, как обстоят дела в этих заведениях (например, сколько там учителей), и противоречивые суждения об их главной цели (например, успеваемость на первом месте, а участие в жизни местного сообщества на втором). А еще стороны могут расходиться в таких моментах, как потребности, личностные характеристики и желания детей и обязанностей родителей. И вот что у нас в итоге получилось.

Родители должны отправлять детей в государственные школы.

Далее Саймон сообщил нам, что это упражнение называется «анализ темы» и отлично демонстрирует многослойность наших споров. То, что кажется спором по одному поводу, на самом деле может оказаться спором сразу по нескольким вопросам, и неспособность распознать эту множественность мешает людям услышать друг друга. «Разве можно рассчитывать на какой-нибудь прогресс, если стороны спорят о разном?»

Анализ темы, наглядно продемонстрировавший многослойность споров, помог нам сразу в двух смыслах.

Во-первых, он позволил определить суть спора, то есть фундаментальное столкновение мнений, из которого проистекали остальные пункты разногласий. Главным моментом в споре об отправке детей в государственную школу могло стать наше понимание обязанностей родителей перед своими детьми и перед обществом. И если мы договоримся по этому вопросу, то сможем выйти из тупика. Короче, то, что поначалу показалось нам спором, связанным с предписанием, на самом деле оказалось разногласием, касавшимся субъективного суждения.

Во-вторых, благодаря анализу темы мы могли выбирать поле битвы – провести четкую грань между спорами, в которых необходимо выиграть, и теми, которые можно и проиграть. Предположим, один из родителей считает, что в государственных школах есть все базовые средства (факт), что родители обязаны улучшать систему государственного образования (субъективное суждение) и что они, соответственно, должны отправлять туда своих детей (предписание). Второй родитель может быть с этим полностью согласен или не согласен, но, скорее всего, оба будут находиться где-то посередине данных континуумов. И мы можем очертить эту серую зону.

Полное расхождение по деталям

Не согласен по факту

Согласен по суждению

Согласен по предписанию

«В государственной школе нет всего необходимого. Но мы несем ответственность за исправление этой ситуации и потому должны отправлять туда своих детей»

Полное расхождение по аргументации

Согласен по факту

Не согласен по суждению

Согласен по предписанию

«В государственной школе есть все необходимое. Мы не несем ответственности за улучшение ситуации, но должны отправлять туда наших детей, потому что это им на пользу»

Полное расхождение по подходу

Согласен по факту

Согласен по суждению

Не согласен по предписанию

«В государственной школе есть все необходимое. Мы несем ответственность за улучшение ситуации, но можем делать это и другими способами, кроме отправки туда своих детей»

Полное согласие по деталям

Согласен по факту

Не согласен по суждению

«В государственной школе есть все необходимое. Мы не несем ответственности за улучшение ситуации и не должны отправлять туда своих детей»

Полное согласие по суждению

Не согласен по факту

Не согласен по суждению

«В государственной школе нет всего необходимого. Мы несем ответственность за улучшение ситуации, но не должны отправлять туда своих детей»

Полное согласие по результату

Не согласен по факту

Не согласен по суждению

«В государственной школе нет всего необходимого. Мы не несем ответственности за улучшение ситуации, но должны отправлять туда своих детей, потому что это им на пользу»

Поскольку цель людей в большинстве споров не в том, чтобы устранить абсолютно все, в чем они не сходятся с другой стороной, а в том, чтобы достичь более приемлемого уровня разногласий, им редко приходится вести войну по всем фронтам. Для участника состязательных дебатов главная цель – добиться согласия аудитории по предписанию; следовательно, простое согласие по подходу может быть для него не менее желательным результатом, чем полное согласие. А для родителя, который во главу угла ставит выполнение своего гражданского долга, расхождение по подходу может быть вполне приемлемым вариантом при условии, что он может служить обществу какими-то другими способами. В общем, анализ темы показал нам

новые возможности для компромисса, которые таились не в полном согласии и не в абсолютном несогласии сторон, а в их градациях.

Остаток той тренировки мы работали над длинным списком тем с доски. Я попытался было задать парочку актуальных вопросов, – вроде «А как мы собираемся победить соперников на дебатах?» – но Саймон отвечал на них максимально лаконично и вновь возвращал всех к упражнению. В шесть наше время истекло, и тренер отправил нас по домам с единственным напутствием: «Встречаемся в пятницу на больших дебатах!»

* * *

Последним уроком в пятницу у нас была химия; сидя в стерильной лаборатории, я с нетерпением ждал, когда же он доползет до конца. У демонстрационного стенда учитель лил в жидкость в мензурке что-то розовое и говорил о титровании. Но меня вся эта алхимия ничуть не интересовала; мое внимание было поглощено другим. Весь день мой телефон вибрировал от сообщений других членов нашей дебатной группы на тему «Сделаем их, ребята!». Квартет наш, надо признать, получился довольно пестрым – высокие и маленькие, шумные и молчуны, – но мы уже начинали считать себя командой и активно искали слова в поддержку этой идеи.

В пятнадцать минут четвертого наконец прозвенел звонок, и я помчался в кебабную на встречу команды. Есть никому из нас особо не хотелось, но мы решили, что до дебатов, которые начинались меньше чем через два часа, надо что-то в себя забросить. Там, сидя за столом, я начал замечать неявные сходства, скрывавшиеся под более очевидными различиями между мной и моими товарищами по команде. Стюарт, примостившись на краешке стула, то и дело очередь выдавал довольно спорные идеи, но ему явно нравилось, когда другие ребята оспаривали их, как это часто делал Макс в его неизменно рассудительной манере. А Натан вечно сиял приятной мягкой улыбкой, но тоже никогда не пытался уклониться от честного высказывания собственного мнения. И хотя я по-прежнему считал своими лучшими друзьями одноклассников Джима, Джона и Джейка, сидя в кебабной, я не мог избавиться от ощущения, что встретил своих.

В Австралии вечер дебатов – мероприятие четко структурированное. Разные лиги школ и университетов устраивают свои соревнования по-разному, но большинство из них проводят еженедельные раунды между пятью и девятью часами вечера. Наша школьная лига в Сиднее каждый пятничный вечер сводила в поединке две школы; силами мерились команды от седьмого до двенадцатого класса.

Пока мы вчетвером сидели в общей комнате, ожидая темы, к нам то и дело подходили с советами и рекомендациями ребята постарше и поопытнее в дебатах. Один крепкий одиннадцатиклассник – весьма редкая комбинация регбиста с членом дискуссионного клуба – притянул меня к своей широкой груди и велел «порвать их всех». Нашим соперником в тот вечер была команда соседней католической школы для девочек под названием «Бригидина»; девчонки сгруппировались вокруг фонтанов метрах в пятидесяти от нас. Одетые в клетчатые юбки и темно-бордовые блейзеры – типичная форма для частной сиднейской девичьей школы, – они выглядели на редкость нарядными, и я уже пожалел, что не надел утром самую чистую из двух моих школьных белых рубашек.

Выдачей темы занимались наш координатор того года мисс Тиллман и ее коллега из Бригидины. Под взглядами своих семей, этаких «Монтекки и Капулетти» дебатов, наши соперницы и мы вчетвером вышли на середину комнаты. Там мы на мгновение столкнулись друг с другом лицом к лицу, так сказать, без преград и прикрас. На лице ближайшей ко мне девочки я увидел равномерную смесь страха и решимости.

Мисс Тиллман вручила нам конверты, подняла в воздух секундомер и провозгласила: «Время... пошло!» Я прочел тему вслух на ходу, пока мы мчались в комнату для подготовки: «Развивающиеся страны должны отдавать приоритет экологической устойчивости, а не экономическому развитию. Утверждающая сторона: Бригидина. Отрицающая сторона: Баркер». Несясь вверх по лестнице с товарищами по команде, под топот наших шагов, словно расчищавший путь вперед, я вновь испытал острое ощущение движения.

Однако в комнате для подготовки, пыльном помещении, явно используемом в другое время как кладовка, весь наш импульс куда-то улетучился. Первые двадцать минут отведенного на обсуждение времени пролетели в невообразимо непродуктивном хаосе. Мы исписали всю доску идеями, но так и не смогли найти ни одного достойного внимания аргумента. Мы то и дело жаловались – и не без основания – на то, что понятия не имеем, что делаем. За несколько месяцев до этого я видел документальный фильм об изменении климата под названием «Неудобная правда», который тогда только вышел на экраны, и в голове у меня постоянно возникал образ Ала Гора, с огромным разочарованием наблюдавшего за нашей тщетной суетой.

А потом Макс, который, кстати, до этого оставался странно спокойным и молчаливым, дал нам «волшебный пинок». Он вдруг подошел к доске и вытер начисто небольшой участок в самом центре. И написал там:

Развивающиеся страны должны отдавать приоритет экологической устойчивости, а не экономическому развитию.

– Давайте проведем анализ темы, – сказал он. – Итак, о чем на самом деле эти дебаты?

В этом мы проявили полное единодушие. Безусловно, главное разногласие касалось предписания – чему развивающиеся страны «должны отдавать приоритет». Однако наши команды могли также расходиться в мнениях относительно описательного смысла и нормативной ценности таких понятий, как «устойчивость» и «развитие». А еще – относительно условий в развивающихся странах, равно как их прав и обязанностей. И вот что у нас получилось в итоге.

Развивающиеся страны должны отдавать приоритет экологической устойчивости, а не экономическому развитию.

Определившись с направлениями возможных разногласий, мы решили сосредоточиться на последнем блоке вопросов – о правах и обязанностях развивающихся стран – и начать с аргумента, что миру не следует ожидать, что они возьмут на себя значительные расходы в борьбе с климатическими изменениями. Поскольку Глобальный Север способен помочь в ослаблении компромисса между устойчивостью и развитием, приветствуется первое, но при возможности выбора развивающиеся страны имеют право принять определенный вектор. Стратегия наша оказалась довольно сомнительной, и оспорить ее было несложно, но, пока мы с товарищами по команде шли из комнаты для подготовки со своими наскоро набросанными речами, я испытывал огромное облегчение от того, что мы вообще нащупали направление.

В помещении для дебатов, в новеньком классе, залитом светом люминесцентных ламп, собралась аудитория, в основном из наших родителей. Мои мама и папа, принарядившиеся по такому случаю, махали мне руками со своих мест во втором ряду до тех пор, пока я не помахал им в ответ. Соперницы были уже там. Усевшись и оглядевшись, я отметил, что время подготовки на безупречном внешнем виде девчонок никак не сказалось.

Следующие слова, которые я услышал, произнес председатель судейской комиссии: «Добро пожаловать на первый раунд для семиклассников. Еще раз прошу зрителей отключить телефоны. А теперь поприветствуем первого утверждающего спикера, который откроет дебаты».

Первый спикер от Бригидины, девочка строгого вида, которая каким-то образом умудрялась никак не проявлять своей нервозности, больше минуты молча стояла в центре комнаты.

Только когда аудитория принялась ерзать в ожидании речи, она наконец заговорила длинными и на редкость складными предложениями.

– Изменение климата – величайшая угроза, с которой столкнулся сегодня наш биологический вид, оно угрожает практически всему, что у нас есть. Развивающиеся страны не только виноваты в огромном количестве глобальных выбросов в атмосферу; они же сталкиваются и с худшими последствиями этой экологической катастрофы.

Не будь я в другой команде, меня бы ее слова вполне убедили. Девчонка говорила с необыкновенным красноречием и страстью. Два главных посыла ее речи – что мы должны ставить экологию выше экономической выгоды и развивающиеся страны могут помочь миру ослабить худшие последствия изменения климата – казались безупречными, непробиваемыми. Но при этом я учуял и благоприятную возможность: наша команда и не собиралась оспаривать ни одно из этих утверждений.

Наш первый спикер, Натан, выходя в центр комнаты, умудрился наткнуться на стол. Под взглядами зрителей, обеспокоенно следивших за его движениями – не повредил ли чего бедняга, – он восстановил равновесие и, отдышавшись, тихим голосом начал: «Мне кажется, произошло некоторое недоразумение. Мы все знаем, что изменение климата – большая проблема и развивающиеся страны вносят свой вклад в глобальные выбросы в атмосферу. И мы согласны с большей частью сказанного предыдущим оратором. Но наша команда хочет задать другой вопрос: кто должен нести огромные экономические и людские издержки, неразрывно связанные с улучшением экологической ситуации в мировом масштабе?» В короткий период молчания, воцарившегося после этого вопроса, я почувствовал, что аудитория переживает момент некоторого озарения.

Надо признать, остальная часть речи Натана была далека от совершенства. Ни один из нас толком не умел тогда ни выдвигать убедительные аргументы, ни строить линию опровержения. Наша подготовка к тем дебатам так и не продвинулась дальше анализа темы. И все же я никак не мог отделаться от ощущения, что мы вырвались вперед и нашим соперницам в другом углу комнаты не видать победы как своих ушей. Мои родители во втором ряду сначала бросали взгляды друг на друга, а потом на Саймона, который то и дело понимающе нам улыбался.

* * *

С того вечера я окончательно подсел на дебаты. Конечно, победа, как и ее общественное признание – на следующей неделе на общем собрании школы нас, как победителей, наградили бурными аплодисментами, – были на редкость приятными. Однако через неделю после дебатов мне ярче вспоминалось другое: восторг в момент прозрения в комнате для подготовки, ощущение общности с аудиторией; животный трепет то жертвы преследования, то того, кто преследует сам. В те далекие дни я, как новичок, понимал только одно: у моей одержимости дебатами много пересекающихся друг с другом источников.

Впоследствии, месяц за месяцем добываясь вместе с товарищами по команде все новых успехов в школьной лиге, я лучше осознавал, что больше всего ценю в дебатах: они проясняли суть наших разногласий и тем самым открывали и объясняли нам огромный мир. В одну неделю мы обсуждали Олимпийские игры, в следующую – реформы налогового кодекса и каждый раз должны были высказываться как люди, имеющие твердое мнение по предмету. При этом мы, по сути, путешествовали по всему земному шару, не выезжая за пределы своего района.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.